Парфянская баллада -3/ продолжение

Category: Kitapcy,Taryhy proza
написано kitapcy | 22 января, 2025
Парфянская баллада -3/ продолжение Возле каждой юбки задерживаются они, не интересуясь, какое лицо под покрывалом. Свое счастье они обычно находят там, где ищут… У других — недоверчивый взгляд и дрожащие руки. Счастье их в деньгах. А умирают они от запора… Но хуже всего тем, кто ищет счастья во власти над людьми. Они дальше всего от него. Посмотри в их угрюмые лица, в холодные неумные глаза. А если бы мог заглянуть в их сердца, то ничего не увидел бы там, кроме мокрой пакли. Нет у них друзей, и умирают они друг от друга…
А я счастливый, когда у меня в доме друзья. И ничего больше мне не нужно. В моей маленькой лавке на базаре всегда много народу, потому что люди любят счастливых. В этом маленьком саду ветки каждый год ломаются от тяжелых плодов, потому что земля радуется людям. И вино мое никогда не киснет, хлеб мой не черствеет, соль не бывает горькой. Все здесь — ваше. И чем вам приятней будет у меня, тем лучше проживу я свои дни!..
Сто дней играл Рамин на чанге для Вис и разговаривал о тайне жизни с Бехрузом. Тихая Луна плыла куда-то над ними. Глухая глиняная стена сада отгораживала их от беспокойного мира. Но на сто первый день опять заревели военные трубы.
— Сам Ахриман, я думаю, закричал, будь он проклят! — заметил Бехруз. — Теперь все коровы у нас перестанут молоко давать. Не любят они шума. Чем громче кричишь, тем хуже доятся…
Это снова был шаханшах Мубад… Через неделю после бегства Вис и Рамина удалился он в пустыню. Рассказывали, что там он плакал и стенал, проклиная себя за жестокое отношение к Вис. Но те, что лучше знали шаханшаха, ничего не говорили. Он уже не раз удалялся в пустыню, и добром это не кончалось.
Так случилось и на этот раз. Вернувшись из пустыни, шаханшах решил начать новую войну. Все чаще вместо слабеющих мозгов в

государственных делах участвовало у него пищеварение. Теперь он объявил поход в Гилян и Азербайган, обвинив их, что они скрывают Вис и Рамина.
Мир от войны спасла тогда старая мать шаханшаха. Она знала, где ее младший сын Рамин, и написала, чтобы он возвращался вместе с Вис. Шаханшах поклялся матери, что простит их и не будет больше злобствовать. Рамин согласился, но предупредил мать, что у него тоже есть голова и руки. Когда-нибудь и он будет шаханшахом, да!..

● ВИС И РАМИН СНОВА ВОЗВРАЩАЮТСЯ В МЕРВ

«Я пожелтел как золото, гляди, —
Прижми меня к серебряной груди!..»
Гургани, «Вис и Рамин».

Однажды сидели на пиру шаханшах Мубад с Вис. Тут же, конечно, играл на чанге Рамин. Шаханшах мало изменился за это время, зато Вис все больше напоминала молодую Шахру. Ее громадные темные глаза чаще и чаще приобретали спокойный зеленоватый отлив, таинственные ямочки появились на округлившемся лице, царским стал уверенно очерченный рот. И грудь Вис уже не была острой, мягче и нежнее сделались ее белые плечи. А негромкий голос Вис, как сдержанный горный поток, волновал душу… Шаханшах теперь даже с некоторым испугом смотрел на ее властную красоту. И Рамин иногда не верил себе, что эту гордую женщину обнимал он здесь в саду, и в Махабаде, и у Бехруза за глиняной стеной. И еще в пустыне, когда падали звезды…
Теперь на шахских пирах снова было вино. Так приказала Вис, и шаханшах согласился. А сегодня ему взгрустнулось, и, плюнув на всех врачей, он налил и себе пару рогов вина…
И сразу прояснился ум шаханшаха, обострились слух и зрение. Он увидел, как посмотрел Рамин, поднося к губам золотой рог, как вспыхнули и ответили ему глаза Вис. До конца выпила она свое вино… Шаханшах приказал налить себе еще. Уже не считаясь со стариком, коснулся Рамин руки Вис, и она не отняла ее.
— За то, что только мы с тобой знаем! — тихо сказал Рамин. Она кивнула и опять медленно выпила, полузакрыв глаза.

— Побольше пой, поменьше говори! — заметил шаханшах.
Рамин взял чанг и заиграл так, как никогда еще не играл. Жадную песню любви пел он. Призыв и восхищение были в ней. Медленно поднималась и опускалась стянутая белым шелком грудь Вис, приоткрыты были ее губы. Шаханшах снова приказал налить вина…
Когда они шли к себе, Вис слегка опиралась на шаханшаха. Он мягко усадил ее, сам уложил в изголовье подушки. А она затуманенно смотрела на него и так была сейчас похожа на Шахру, что ему вдруг почудился аромат роз. Далеких роз из его сада…
— Я слышал, о чем говорил тебе Рамин, — сказал шаханшах. — Много знал я женщин. Таких красавиц нет теперь, которые любили меня. На край света ко мне прибегали от своих мужей, яд принимали, со скалы прыгали!..
Шаханшах ходил по комнате, размахивая руками. Вис сидела на постели прямо, опустив ресницы.
— Нет, не было раньше такого бесстыдства! — решил он и покачал головой. — Было, конечно… Но чтобы при муже, на глазах у всех…
— И никакой Рамин мне не нужен, — совсем трезвым голосом сказала Вис. — Никого не хочу, кроме тебя…
И она протянула свои белые руки, закрыла ему рот жадными влажными губами. Любопытство, нетерпение, восхищенная покорность были в ее туманных, золотых от гаснущего светильника глазах. Это была Шахру! И так обняла она его, что… что… Наверно, Солнце пригрело где-то в это время талисман…
Шаханшах сразу уснул, а она отрезвела. Глядя открытыми глазами в темноту, молча лежала Вис. На дворе выл ветер, холодным дождем заливало окна. Здесь, на горе, ветер был особенно сильным. И вдруг чуткое ухо Вис уловило какой-то посторонний шум. Словно кто-то тихо ходил по крыше… Осторожно встав, она позвала мамку. У шаханшаха была нехорошая привычка вскакивать среди ночи и внимательно смотреть, на месте ли жена. Поэтому Вис попросила мамку лечь на шахскую постель и прикрыла ее до головы шелковым одеялом. Сама же набросила на голое тело широкую накидку из белых горностаев и пошла наверх.
Дождь с мокрым снегом залепил ей лицо. Рваные синие тучи

неслись по черному небу, задевая крышу. На самом краю неподвижно стояла какая-то тень. Вис подошла и увидела Рамина. Он смотрел на нее и ничего не говорил. Она протянула руку к его глазам и увидела, что они мокрые. Это был не дождь… Рамин весь дрожал. Вис сняла с себя накидку и, обернувшись с ним вместе, легла на крыше. Он быстро согрелся. И на всей земле никому не было теплей и лучше, чем им…

Как убитый проспал шаханшах всю ночь. Под утро он проснулся и протянул руку к жене. Нежно погладил он ее, но когда дошел до бедра, насторожился. Хузанки это не какие-то там худосочные хорасанки!! Шаханшах быстро взял ее за руку и почувствовал, что она литая как чугун и шершавая. Всю стирку для Вис приходилось делать мамке… Так и не выпустив ее руки, страшный крик поднял шаханшах!..

Рамин вскочил и схватился за кинжал. Сейчас он готов был убить брата. Но Вис встала и, сделав знак Рамину, чтобы потише двигался, спокойно пошла вниз. Пройдя в темноте к постели, она села рядом с мамкой.

— Скорей зажигайте огонь! — ревел как тигр шаханшах. — Интересно посмотреть, какую ведьму бросил Ахриман в мои объятия!..

— Не пора ли залить водой рассудка костер твоей злобы? — негромко сказала Вис.

Шаханшах сразу замолчал от удивления и выпустил руку мамки. Когда он спохватился и снова нащупал в темноте руку, это была уже Вис. Мамки и след простыл.

— Что же ты молчала, когда я так нервничал? — спросил шаханшах упавшим голосом.

— Ты так сдавил мне руку, что было не до разговоров! — заплакала Вис. Дорого обошлось шаханшаху в этот день его ночное поведение…

Может быть, и приплели эту историю к рассказу о Вис и Рамине. У кого теперь узнаешь?..

● ЕЩЕ ОДНА ВОЙНА

«Еще с войны, царю служить повинна,

Не возвратилась войска половина.
Не распустила поясов другая,
Повинность годовую отбывая…»
Гургани, «Вис и Рамин».

Да, все чаще ревели теперь военные трубы над миром. На этот раз шаханшаху угрожал с Запада румийский кайсар. 11 Он обвинял царя царей, что тот хочет войны. Надо было убедить кайсара, что он ошибается. И шаханшах снова велел собирать войско.
Был бы шаханшах помоложе, и не одолевали бы его домашние неприятности, он бы нашел способ договориться с кайсаром. Тем, у кого дома все в порядке, нет нужды гордиться… На беду, и у кайсара дома было не все благополучно. А преданные советники имелись у обоих. И такая гордость поднялась вокруг, что даже серых мервских ишаков ставили в пример белым румийским!
Слышались, правда, осторожные голоса, что воевать стало невозможно. В последнее время придумали наливать черное земляное масло в горшки, поджигать и бросать на врага. Это была уже не честная война с помощью львов и слонов, а сплошное убийство… Шептунов быстро переловили, понимая, из чьей реки песок, которым засоряют они чистые души…
Такое войско собрали шаханшах и кайсар, что целый год пришлось его избивать. В язвах от стрел, искусанные и обожженные вернулись солдаты домой. Не успели они сходить в баню, как опять загремели трубы…
Чтобы узнать, почему случилось это, придется вспомнить о Вис и Рамине… После пьяной ночи шаханшах чуть не умер от сердечной слабости. Целый месяц его мучила изжога. И уже не отварной рис, а голый отвар прописали ему врачи.
Совсем сошел с ума шаханшах, и почти не осталось врачей в Хорасане. По два часовых с каждой стороны кровати ставил он теперь на ночь, а сам спал с острой саблей в руке. В это время и принесли ему письмо от кайсара, которое царь царей разорвал, плюнул на него и бросил обратно румийскому послу. При этом он посматривал на Вис и крутил усы. Но она ела орехи.
Самая большая в мире крепость Ишкафти Диван 12 была у шаханшаха. На высокой горе стояла она, недалеко от Мерва. Пять

ворот надо было пройти, чтобы попасть туда. В этой крепости шаханшах и запер Вис с мамкой, уходя на войну. На десять лет обеспечил он их водой и припасами. Но лично закрыл все ворота, поставил на каждом замке большую государственную печать, а ключи вручил своему старшему брату и вазиру Зарду. Его он оставил с большой армией стеречь крепость.

Когда войско дошло до Гургана, неожиданно заболел Рамин. Пришлось его там оставить. Как только осела пыль за войском, Рамину стало лучше. Он сел на своего Рахша и помчался в обратную сторону от Рума…

Мы видели крепость Ишкафти Диван. Восемьдесят три метра высотой эта искусственная гора сейчас, на которой она стояла. А были на горе еще высокие стены, которые обвалились за две тысячи лет. Так что, если правда, что Рамин забросил туда четырехгранную киммерийскую стрелу со своей меткой, а потом влез по тонкому шелковому канату, сплетенному из ночных рубашек Вис, то он был храбрым витязем. И на войну не пошел, потому что был занят делами поважнее…

Рассказывают еще об одной молодой и красивой колдунье Зарингис, дочери туранского хакана. 13 Она при помощи ворожбы выведала о пребывании Рамина у Вис в Ишкафти Диване и рассказала все возвратившемуся с войны шаханшаху.

Возможно, и была в Мерве какая-то Зарингис, у которой имелись свои счеты с Рамином. Но скорей всего шаханшах сам решил двинуться к Ишкафти Дивану. До него ведь дошли неосторожные слова Рамина, которые он писал матери. А хорасанцы во время войны пекли хлеб из сочной зеленой травы, от которого в их душах было раздолье Ахриману. Иначе чем объяснить, что царь царей не распустил войско, а повел его к своей же крепости? На такие дела у самых глупых шаханшахов ума хватает…

Так или иначе, но, придя к Ишкафти Дивану, шаханшах даже не посмотрел на приветствовавшего его Зарда. Он лишь пробормотал себе в усы что-то нехорошее, отчего у Зарда стало холодно в животе.

— А где наш дорогой брат Рамин? — спросил как ни в чем не бывало Зард, чтобы охладить гнев царя царей. Так охлаждают неопытные люди холодной водой горячую сковородку с маслом.

Если правда все, что рассказывают, то от гнева шаханшаха потухло Солнце и звезды разбежались с неба.
Этим, очевидно, и воспользовался Рамин. В наступившей темноте он быстро спустился вниз, на другую сторону крепости, и убежал в горы. Ему нетрудно было это сделать, потому что Вис за всю войну так и не успела развязать уже известную нам веревку. Эта веревка и погубила ее.
— Что это такое, да?! — спросил шаханшах, показывая на связанные рубашки. Но Вис не слышала. Сердце ее вырвал и унес с собой Рамин. Пустое окно видела она и ногтями царапала свое чистое лицо. Красная роса капала на ее грудь и живот, на голые ноги. Боли она не чувствовала.
И шаханшах пнул ногой в голый живот. А когда согнулась и упала на пол Вис, он начал бить ее в лицо и грудь. Но чаще всего он старался попасть в живот. От золотых подковок на сапогах царя царей большие пятна вспухали на теле Вис. Янтарными были эти пятна, а также цвета дорогой яшмы и рубина.
Не отрывая глаз от окна, доползла Вис до тахты с золотыми львиными ножками. Шаханшах сбросил ее оттуда и взялся за плетеный кнут с украшенной драгоценностями рукояткой. Чтобы не закрывала она свое лицо, он связал ей дорогим серебряным поясом руки за спиной. Почему не кричала глупая Вис?..
Зато закричала, заплакала, завыла вдруг мамка, которая пряталась все это время под тахтой. И шаханшах тогда бросил Вис и взялся за мамку. Хорошей железной кочергой прошелся он по ее плотной спине, кулаками подправил оба глаза, но быстро устал от ее крика…
В грязный сырой погреб под крепостью Ишкафти Диван бросил их обеих шаханшах, чтобы не видели они никогда Солнца. Черствый хлеб и неотстоявшуюся воду из арыка приказал давать им. А стражу сменил, потому что лучше волку доверить стадо, чем ослу. Так он сказал Зарду…

● ПРОЩЕНИЕ ВИС

«Подруги наши и грешны и хрупки, —
Всегда прощай возлюбленной проступки!»

Гургани, «Вис и Рамин».

— Теперь воздух здесь очищен от разврата! — сказал шаханшах, войдя в свой мервский дворец. Он отдохнул, попил рисовый отвар и приказал позвать гостей. Мудрейшие мужи, непобедимые витязи, самые тонкоголосые поэты собрались у него. Словно триста шестьдесят пять Лун, сразу засветились придворные красавицы. Самый лучший в мире игрок на чанге был приведен к шаханшаху. Давно уже не было такого пира в Хорасане.

Как четыреста соловьев запел и заиграл знаменитый музыкант, но шаханшах махнул рукой, чтобы тот замолчал. Больной и грустный сидел царь царей. В глазах его была недостойная повелителя тоска, усы совсем повисли. Места не находил себе старик…

Как хорошо было раньше, — подумал шаханшах. Здесь вот сидел Рамин, а не этот прилизанный горлодер. Напротив сидела Вис. Рамин красиво пел и шептал ей всякие нехорошие слова, а шаханшах делал вид, что не слышит. Но он внимательно следил за каждым их шагом… Нет, тогда ему не было скучно!..

Шаханшах сделал знак гостям, чтобы они шли домой. Долго ходил он по пустому дворцу, останавливался и вздыхал… Вот из-за этого угла он увидел однажды, как Рамин прижал Вис к белой колонне и полез к ней за пазуху… На тахте у окна он застал их целующимися. Вис объяснила тогда, что у нее закружилась голова и пришлось прилечь. А через другое окно Рамин залез как-то ночью и сказал, что торопится поздравить шаханшаха с победой над врагами…

Царь царей разделся, взял, как всегда, саблю в руки, но бессильно выронил ее. Зачем ему теперь сабля?.. Так и не уснул он в эту ночь. Даже спать ему было неинтересно. А утром, когда приехала извещенная обо всем Шахру и зарыдала, забилась на кирпичном полу, шаханшах заплакал вместе с ней…

Собрались люди, стояли в стороне и смотрели. А они горько плакали, взявшись за руки. О чем они плакали, шаханшах Мубад и царица Шахру?..

Потом привезли Вис и начался пир. Она умылась, припудрила синяки, подвела брови и еще ярче прежнего засияла над миром. Отыскался и Рамин, который прятался на чердаке для голубей. Он

взял в руки чанг и сел по правую руку шаханшаха. Вис села напротив, а шаханшах навострил уши. Все было на месте, хорошо, привычно. Давно уже не чувствовал себя царь царей таким счастливым. А ночью, взяв саблю в руку, он сразу заснул как убитый…

Было у них еще несколько скандалов. Последний случился, когда царь царей снова уехал на небольшую войну по соседству. Старые шаханшахи для того и затевают войны, чтобы увести подальше крепких витязей от своих молодых жен. Молодым витязям война не нужна. У них хороший аппетит, и им хватает любовных кровопролитий. Рамин сбежал, конечно, с первого привала и ночью был уже под окном у Вис.

Но шаханшах все предусмотрел на этот раз. Проходы, двери, окна во дворце были окованы решетками из крепкой хиндустанской стали. Лучших румийских мастеров вызвал шаханшах, чтобы они поставили кругом секретные замки. Собственной рукой закрыл он тяжелые литые ворота и навесил золотые печати.

Но это было еще не все. Ахриман давно уже стал верным другом старого шаханшаха. Он и подсказал, кому оставить ключи от дворца.

— Кто лучше вора постережет лавку, — сказал царь царей мамке-хузанке. — Видно, честные дураки не для государственных дел. Пусть они стихи сочиняют. Испытаю тебя, раз уж не обойтись без воров шаханшаху. А чтобы в голову плохие мысли не забрели, пересчитай пока жемчуг, который я дарю тебе вместе с этим сундуком. Только не сбейся со счета. Когда вернусь, скажешь, сколько его там. Правильно посчитаешь — дам еще столько же!..

Вот почему Рамин не мог достучаться в большие дворцовые ворота. Мамка внимательно считала жемчуг, а его как раз было на всю войну. Сколько ни пел за воротами Рамин, ничего на этот раз не помогло. Так и уснул он в саду под забором, где сросшиеся ветки карагачей закрывают небо, а из-за кустов инжира нельзя ничего разглядеть даже пригнувшись…

Но Вис… Вис услышала зов Рамина. Как весенняя тигрица, метнулась она вниз к мамке. Но та посмотрела на нее такими пустыми глазами, что Вис отпрянула в страхе. Губы бедной хузанки шептали что-то, дрожащие руки она прятала в большом

сундуке.
Вис побежала наверх, заметалась по комнатам. Кругом были глухие решетки, и даже руку нельзя было просунуть между ними. Вис села на пол и заплакала. Горько, как маленькая девочка, плакала она. Потом вдруг вскочила и начала сдирать с себя платье, туфли, шелковые шаровары. Один жемчуг остался на ней. Она бросилась к окну и начала рваться через решетку…
Как уж это получилось, мы не знаем. Но брызнул, рассыпался под Луной крупный белый жемчуг, а Вис покатилась по крыше. Разрывая влажные ночные ветки карагачей и инжира, упала она в сад прямо на Рамина… Это — единственное место в повести, вызывающее у нас серьезные сомнения. Мы видели, какие в Мерве решетки на окнах… А впрочем, нужно было увидеть Вис в саду. Ободранная в кровь, простоволосая, босая, без единой жемчужинки на теле — что ей были какие-то решетки! Луна потемнела от зависти, увидев, как схватил ее Рамин. Ветер взметнулся над Хорасаном, унося в пустыню счастливый стон Вис…
Этот ветер и разбудил шаханшаха в походной палатке. Накануне светила полная Луна, а сейчас было темно, как в желудке у Ахримана. Шаханшах потрогал рядом походную постель, но Рамина на ней не было. Как тонущий в болоте осел заревел царь царей!..
Под утро вместе со всем войском он был уже в Мерве. Приказав не шуметь, шаханшах открутил золотые печати, снял сапоги и прокрался к мамкиной комнате. Там у него сразу отлегло от сердца. Все войско можно было заводить к ней, и она бы не услышала. Мамка считала жемчуг…
Уже не скрываясь, прошел шаханшах в спальню и встал на пороге. Вис не было. Он побежал обратно к мамке, но ключи были на месте. Не зная, что подумать, старик выругался и пнул ногой сундук с жемчугом. Он забыл, что был без сапог, бедный шаханшах. А сундук был кованый!..
Вся любовь вылетела из головы у Рамина, когда он услышал вой шаханшаха. В один миг перенесся он через стену и пропал в темном переулке. А Вис спокойно закрыла глаза и ждала, пока ее найдут.
Ждать ей пришлось недолго. Восток уже посветлел, а шаханшах

помнил тихий уголок сада у самой стены. Без сапог, хромой, бросился он туда…
На мягкой зеленой траве, безмятежно раскинувшись, спала Вис. Светлые холодные жемчужины были разбросаны вокруг. Прорвавшись через карагачи, ударил первый, самый чистый луч Солнца, и царь царей не посмел разбудить ее!
Окаменелый, сидел он и смотрел на жену. Порозовели жемчужины в траве, теплее стал воздух. Вис сладко потянулась и открыла свои прекрасные зеленые глаза. Она улыбнулась шаханшаху, обняла его за сухую жилистую шею и поцеловала в крашеные усы.
Удивленно оглянулась Вис, когда шаханшах спросил, как она попала в сад. И он решил, что это дэвы перенесли ее спящую сквозь стену, чтобы испытать царя царей. Еще больше уверился в этом шаханшах, когда увидел Рамина. Во весь опор скакал Рамин ко дворцу на своем верном Рахше. Ехал он с той стороны, где ночевало войско, а к седлу был привязан убитый на охоте джейран…
Так и прошло бы это безнаказанным, если бы не певец Кусан. Они часто, певцы и поэты, подсказывают шаханшахам, где собака зарыта. Из самых добрых побуждений спел Кусан на шаханшахском пиру свою песню. А что получилось?!

● ПЕСНЯ КУСАНА

«Я дерево увидел на вершине.
Взглянув на ствол, забыл я о кручине…
Под ним бежал родник прозрачный, чистый,
И были травы вкруг него душисты…
У родника, где так трава сладка,
Увидел я гилянского бычка…
Пусть вечно это дерево растет!
Да будет сень его — как небосвод!
Пусть вечно льется чистый родничок,
И пусть пасется рядом с ним бычок!»
Гургани, «Вис и Рамин» (Притча Кусана)

Дослушав до конца, шаханшах схватил Рамина за горло. Дело было еще в том, что царь царей снова решил перехитрить свой

талисман. Он ведь не знал о хузанском колдовстве и подумал, что вино опять выручит его. Три полных рога, один за другим, опрокинул шаханшах. Но вместо юных соков забродила в нем одна горькая старческая безрассудность.

Пока шаханшах выпил свои три, Рамин успел задрать кверху девять рогов. И он так хватил старшего брата рогом по носу, что тот упал и закатил глаза… О чем тут рассказывать дальше? Еще и не такое случалось у зороастрийцев!..

Жил в Хорасане звездочет, прозванный за красноречие Бехгуем — Убеждающим. Он не раз поил Рамина проточной водой мудрости. Но Рамин предпочитал устоявшееся вино греха. Теперь же ему ничего не оставалось делать, как послушать мудреца.

— Плетью обуха не перешибешь, — сказал великий звездочет. — Выше лба уши не растут. С сильным не борись!..

— А как же Вис? — уныло спросил Рамин.

— Мало других на свете, да?!

И Рамин сел писать письмо шаханшаху. Ничего, кроме усталости, не было в его сердце. Теперь уже не нужно будет красться ночью в чужой сад, ожидая стрелы в поясницу. И не надо будет все время смотреть в дорогие зеленые глаза. Солнце, ветреные сады, радостные улицы можно будет опять увидеть. Только вчера прошла мимо него одна колдунья с легкими, чуть двигающимися плечами. Она еще оглянулась… Когда Рамин кончил писать, мир для него уже сиял, как после тюрьмы или болезни.

И старый шаханшах вздохнул с облегчением, прочитав письмо. Рамин просил назначить его правителем в какую-нибудь дальнюю страну, где он делами своими смог бы прославить шаханшаха. Только Вис молчала…

Она хорошо приняла пришедшего проститься Рамина. Но когда, оглянувшись, он схватил ее, Вис спокойно освободила руку. О дорожных заботах поговорила она, приветливо кивнула головой на прощанье. Веселые переборы чанга доносились из ее окна, когда спускался Рамин по ступеням дворца…

● ЖЕНИТЬБА РАМИНА

«Что женская любовь? Пустой обман:

На камне разве вырастет тюльпан?
С хвостом ослиным их любовь сравни:
Не станет больше, сколько ни тяни!
Ослиный этот хвост я долго мерил…»
Гургани, «Вис и Рамин».

Так думал Рамин, идя по потускневшему Мерву. Горько и обидно было ему. Она забыла его еще до отъезда…
Шла навстречу та самая колдунья с двигающимися плечами. Грустно посмотрел Рамин, и она закусила край покрывала. Безучастный ко всему, пошел он домой и лег на тахту. Впервые увидел Рамин, что балки на потолке прогнулись. Слишком много земли клали на мервские крыши, чтобы не прогрело их Солнце…
Потолок темнел, расходились стены. Ослы в рабаде прокричали полночь. Мертвый свет упал на левое плечо — к болезни. Но Рамин не плюнул три раза налево — от острой молодой Луны. Не поблекнет еще она, и выедет он через желтые каменные ворота на пыльную хамаданскую дорогу. Когда подобреет и округлится эта Луна, где будет он?..
Рамин поднял голову. Кто-то тихо назвал его имя… Закутанный в покрывало, неслышно шел он за мамкой. Лунное лезвие кралось за ним между заборами. У Вис были холодные руки…
Нет, не дала ему радости эта ночь. Никогда не мешала ему раньше Луна. Вис молчала… Облегчение почувствовал он, когда выехал из узких ворот Мерва.
Почему Рамин женился на Гуль?.. Как цветущий сад были ее щеки. Тростниковым сахаром пахли губы. А когда она смеялась, звездный свет Плеяд отражали ровные белые зубы. В быстрых глазах ее засело по смелому абхазскому лучнику. Золотая рыбка в чистой воде была Гуль!
Но не этим пленился Рамин. Простой тоненький поясок захлестнул его отдохнувшее сердце. Такой милый был поясок, так плотно стягивал гибкую талию, что хотелось взяться за нее сразу двумя руками. Не пошел бы уже Вис такой поясок…
Мы знаем, как ведут себя в Гурабе. Не успел Рамин открыть рот от восхищения, как Гуль подъехала и поцеловала его в губы. И он сразу почувствовал себя с ней легко и просто. Ему не

пришлось придумывать всякие сложные слова для разговора. Они сами выскочили изо рта.
— Сколько стоит сахар на твоих губах? — весело спросил Рамин. — Жизнь возьмешь — продешевишь!..
Какая девушка в Гурабе устоит на ногах перед такими словами! К тому же, по отъезде из Мерва Рамин снова отпустил красивые усики. Через три дня состоялась свадьба…
Кто не знает, что Гуль — значит Роза! Целый Гулистан достался Рамину. И не нужно было вечно прятаться, клясться в любви, по десять раз в день попадать из огня в прорубь и обратно. За месяц Рамин незаметно поправился. Рахш каждый раз недовольно поводил ушами, когда хозяин взбирался на него.
При Луне особенно пахнут розы. И Рамин каждую ночь считал их в цветнике Гуль.
— Разве это Луна, да?! — сказал он как-то. — Черной сковородкой кажется она мне рядом с твоим лицом. Как персик твои щечки, уста — рубины, полумесяцем бровь. На две половинки нужно разрезать самое сладкое яблочко, чтобы сравнить с твоей грудью. Совсем как Вис ты при этой Луне!
Кто не пожалеет розу под дождем, когда холодный ветер обрывает шелковые лепестки и бросает их в грязь! А что делать, если заплачет сразу целый цветник? Пришлось Рамину встать, зажечь светильник и писать письмо Вис. Розотелая Гуль стояла рядом и всхлипывала, когда он задумывался.
«Дурак я был, да! — писал Рамин. — Прельстившись твоим серебром, не знал я, что есть на свете золото. В Гурабе я нашел его полный кошелек. Кому нужно дырявое ведро, если есть дубовая бочка. Полжизни замазывала ты мне глаза. Теперь я понял, в чем настоящее счастье. И видеть тебя больше не хочу…«
А в конце письма Рамин написал такое нехорошее слово, что и переводить его с пехлеви не хочется.
В те времена не было всяких глупых законов, и письмо Рамина попало прямо шаханшаху. Весь дворец собрал царь царей и прочел его вслух. Особенно обрадовался он последнему короткому слову. На весь зал выкрикнул его тонким голосом шаханшах и посмотрел на Вис. Она смеялась!..
Шаханшах вынул платок и протер глаза. Все смеялись уже вместе

с ней. Пришлось посмеяться и царю царей.
Рассказывают, что десять писем отправила Вис Рамину. По ее поручению писал их самый грамотный в Хорасане человек — Мушкин, а отвозил быстрый Азин. Целый месяц плакала, глядя в сторону Гураба, Вис…
Не могло этого быть, потому что в ту же ночь Луна оказалась в созвездии Рака. Если бы не это обстоятельство, трудно было бы врачам определить, почему заболела Вис на следующее утро. Ведь накануне вечером она весело смеялась, а сейчас лежала с открытыми глазами и не слышала, когда говорили с ней…
То, что не ела ничего Вис, мамку не беспокоило. Больше всего испугали ее эти открытые глаза. Ни днем, ни ночью не закрывала их Вис…
И не посылала Вис мамку в Гураб. Мамка сама поехала на том старом хузанском верблюде, который привез ее в Мерв. И Рамину она ничего не сказала. Просто слезла с верблюда и стала молча у дороги, по которой ехал Рамин на охоту.
— Опять ты, старая ведьма! — налетел он и замахнулся плетью. — Мало твоей Вис, что говорят кругом про нас. На базаре стыдно появиться… Нет, хватит позора и безрассудств. Скажи ей, что не дети мы уже. Пора жить, как все люди…
Рамин не ударил мамку. Еще что-то хотел он сказать, но только ожег плетью коня и ускакал прочь. А мамка взобралась на верблюда и поехала назад.
Когда мамка вернулась, Вис посмотрела на нее и впервые за много дней закрыла глаза. Полежав так немного, она встала и принялась за свои дела…

● ВОЗВРАЩЕНИЕ РАМИНА

«Стареет все, но манят вновь и вновь
Отечество и первая любовь!»
Гургани, «Вис и Рамин»

Гуль теперь редко надевала поясок. А когда розы день и ночь перед глазами, рад будешь последнему чертополоху. Только бы не пахнул и покрепче кололся…
В это утро Рамин проснулся с привычной тростниковой сладостью

на губах. Гуль, как всегда, была без пояска. Он посмотрел на персики, яблочки, рубины, полумесяцы и зевнул. Потом он увидел прекрасные синие горы Гураба. Белый пар лился над полями. Недвижные гурабские кедры стыли у самой крыши, на которой они спали. Внизу слышался визгливый крик вперемежку с кашлем. Это Рафед, отец Гуль, ругал пастуха за горькое молоко. Бездельник гонял коров поближе к дому, где росла одна полынь…

И вдруг дрогнули кедры, зашевелилась трава на полях, вспыхнули и сразу прояснились горы. Гневным взмахом ресниц стер ночь с остывшей земли Хорасан!

Горячим светом обожгло Рамина. Было синее небо Хузана, теплая ночная пустыня с падающими звездами, мокрая крыша с белой горностаевой нежностью. Ветки карагачей трещали от летящей с неба любви…

Рамин недоуменно с… Taryhy proza